

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Ю. Д. Анчабадзе

«ОСТРАКИЗМ» НА КАВКАЗЕ

Всем с детских лет знакомы поэтические строки М. Ю. Лермонтова:

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла.

Поэма «Беглец» — одна из многих в наследии великого русского поэта, написанных под впечатлением от пребывания на Кавказе. Кавказ... Здесь все будило поэтическое воображение. Непрístupные, вздыбленные вершины, от века сохраняющие тайну своей дикой, первозданной красоты, глубочайшие горные провалы с беснующимися на дне стремительными, всеокрушающими потоками, туманная дымка облаков, скрывающая ослепительную белизну снежных пиков, — вот те места, где скитался и страдал «печальный Демон, дух изгнания».

Но не только красота природы нашла отражение в «кавказской» литературе. Суровая жизнь горцев, их нравы и обычаи также не раз служили основой для художественного воплощения, и эти произведения представляют для нас особый интерес. Ведь зачастую за завесой художественного вымысла можно разглядеть исторические и бытовые реалии, а плод авторского воображения соседствует с фактами, тонко подмеченными при непосредственном соприкосновении с жизнью окружающего народа.

Вернемся к лермонтовской поэме. Гарун позорно бежал с поля сражения, где геройски погибли его отец и братья. Отвергнутый за трусость другом и любимой девушкой, он подходит к родному дому, но мать, узнав о происшедшем, говорит сыну:

Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!

Факт изгнания из семьи, патронимии, фамилии, общины как форма наказания за преступления широко известен на Кавказе. В источниках прошлого века нечасто, но встречаются упоминания о нем, иногда с весьма подробными описаниями и любопытными деталями. Наблюдатели всегда говорили об изгнании как о примечательном явлении в обычно-правовой практике кавказских горцев и, не имея аналогов для сравнения, пытались проводить параллели с древнегреческим остракизмом, хотя в действительности «кавказский остракизм» имеет с ним мало общего. Следует отметить, что все упоминания об обычае изгнания у кавказских народов, разбросанные по многочисленным этнографическим изданиям прошлого века, были простой фиксацией данного факта без всякой попытки его исследования и анализа¹. Последнее обстоятельство и побудило нас обратиться к этому интересному сюжету.

Чтобы составить по возможности подробное описание «кавказского остракизма», мы выделим следующие моменты: причины изгнания; обряды, связанные с изгнанием; правовое положение изгоя. Реальное бытование этого обычая на Кавказе в первой половине XIX в. выдвигает и другую задачу — попытаться понять, почему отголосок древнейшей эпохи человеческой истории — а изгнание является пережитком родового строя — продолжал функционировать в столь отдаленный от времени его возникновения период.

Однако прежде о самом обычае. Каковы были причины изгнания?

Дагестанские адаты называют различные преступления, которые карались изгнанием виновного из семьи, родного села и его полнейшей общественной изоляцией. Таковыми были: отцеубийство, убийство матери, брата или сестры, инцест, распутная жизнь, предательские сношения с врагами, в результате чего последним становились известны секретные постановления народного собрания («джамаата»), и некоторые другие².

У чеченцев и ингушей изгнанию подвергались люди, повинные в кровосмесительной связи, в убийстве родственника, несоблюдении обычая гостеприимства, выразившемся в умерщвлении или ограблении гостя, святотатстве и некоторых других нарушениях обычного права³.

У осетин убийца близкого родственника, особенно матери и отца, наказывался удалением из семьи. Точно так же изгонялись люди, много раз замеченные в нарушении норм обычного права, навлекшие на себя гнев и неудовольствие сообщинников своим предосудительным поведением. По постановлению народного собрания («нихаса») они объявлялись «хьоды» — изгоями и немедленно должны были оставить село⁴.

У грузин-пшавов убийство родича, а также прелюбодеяние, совершенное в родственной среде, без промедления наказывались изгнанием преступника из общины. Такой же каре подвергали нарушивших обычай «цацлоба», являвшийся примечательной особенностью старинного пшавского быта. Суть его сводилась к тому, что у каждой пшавской девушки по достижении ею совершеннолетия появлялся друг — юноша из того же села, который неотступно следовал за своей подругой, был как

¹ Из исследователей обычного права лишь М. М. Ковалевский рассматривал некоторые моменты обычая изгнания на Кавказе. См. *М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон*, т. 2. М., 1886; *его же. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом*. СПб., 1911.

² «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, под ред. И. Я. Сандры-гайло». Тифлис, 1899, с. 2; *М. Алибек. Адаты кумыков*. Махачкала, 1927, с. 12.

³ *А. П. Берже. Чечня и чеченцы*. — «Кавказский календарь на 1860 г.». Тифлис, 1859, с. 87; *Н. И. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей*. — «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», в. III. М., 1888, с. 141.

⁴ *А. Х. Магометов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)*. Орджоникидзе, 1974, с. 258; «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. 2. СПб., 1836, с. 195; *В. Б. Пфаф. Народное право осетин*. — «Сборник сведений о Кавказе», т. 2. Тифлис, 1872, с. 259.

бы ее телохранителем. Молодые люди всегда находились вместе, даже ночью. Их связывали узы самой нежной, искренней и преданной дружбы, опозитизированной в многочисленных памятниках устного народного творчества пшавов. Никто не смел обидеть девушку-пшавку, так как ее друг — цацали — немедленно призвал бы обидчика к ответу. Этого требовал народный обычай. Но тот же обычай требовал, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах, дружба юноши и девушки не переходила в интимные отношения. Отступников от этой заповеди ждали позор, бесчестье и изгнание из общины⁵.

У карачаевцев изгнанием наказывались такие преступления, как убийство родственника, кровосмесительная связь, постоянные нарушения норм адата⁶.

У абхазо-адыгских народов эта же мера наказания применялась для людей, совершивших особо тяжкие преступления. У абхазов, например, к такой категории преступлений были причислены: убийство близких родственников, кровосмешение, измена отечеству. Человек, совершивший одно из этих преступлений, изгонялся и бывал вынужден немедленно бежать из родных мест⁷.

При объявлении об изгнании соблюдались некоторые обряды. Так, в Дагестане у даргинцев-кайтагцев все члены родственной группы («тухума») собирались в установленный день в определенном месте. Сюда же приходила масса посторонних, привлеченных значительностью происходящего события. После длительного совещания составлялась с помощью сельского кадия специальная бумага, оповещавшая всех об изгнании данного человека из тухума. Бумагу приколачивали к дверям мечети, и каждый проходящий мог прочитать ее содержание: «Мы, родственники такого-то тухума, отделяем из среды своей такого-то за его дурное поведение, и с этой поры если его кто-нибудь или он кого-нибудь убьет, то мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; оборвует ли кого или ограбит — мы также за него не отвечаем, и наоборот; после нас или его если останется какое бы то ни было имущество, мы не имеем на него никакого права, и он также на наше. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом коране и прилагаем свои пальцы»⁸. Далее перечислялись все родственники изгоняемого и несколько свидетелей из постороннего тухума.

С обнаружением на дверях мечети составленного документа акт изгнания приобретал законную силу. Тухум слагал с себя какую-либо ответственность за поведение своего бывшего сочлена, и никакие претензии к изгнанному тухумом уже не принимались. Изгой отныне был предоставлен самому себе.

У кумыков над убийцей близкого родственника совершали следующий обряд. Жители села стреляли в сторону преступника из ружей, пронося формулу проклятия: «Налат тубек атганлар» — «Он не человек, у него нет чести, он убил своего отца». Стреляли в воздух, так что преступник оставался цел, но после этой тягостной церемонии его не допускали ни на общественные собрания, ни в кунацкие сообщинников. Он обязан был покинуть родное село⁹.

В некоторых районах Дагестана акт изгнания преступника был предельно упрощен. В Табасарани, например, преступнику просто объявля-

⁵ М. М. Ковалевский. Пшавы.— «Юридический вестник», 1888, № 2, с. 219; А. С. Хаханов. О пшавках.— «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дагестанском этнографическом музее», в. III, с. 93.

⁶ Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев.— «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, с. 11, 13.

⁷ Ф. В. Завадский. Абхазия и Цебельда.— Газ. «Кавказ», 1857, № 61.

⁸ «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.». М., 1965, с. 20.

⁹ М. Алибек. Указ. раб., с. 12.

ли, что он изгоняется. Однако и в этом случае необходимо было присутствие определенного числа людей, — вероятно, для того, чтобы факт изгнания был предан широкой общественной огласке¹⁰.

У лезгин также старались как можно скорее оповестить посторонние тухумы о факте изгнания. Для этого выбирался день, когда происходило какое-либо многолюдное народное собрание или торжество, на которое собирались жители разных деревень. Глава изгоняющего тухума громко возвещал, что такой-то изгоняется, а, следовательно, лишается помощи и покровительства своих сородичей¹¹.

У чеченцев и ингушей изгнание сопровождалось вынесением проклятия преступнику, в котором должны были принять участие все до единого жители села. В день, когда принималось решение предать виновного проклятию, никто не должен был задерживаться на работе или отлучаться из села. Если же кто-нибудь пытался уклониться от участия в обряде, его поведение рассматривалось как сочувствие преступнику.

Сама церемония вынесения проклятия сопровождалась неимоверным грохотом: все жители одновременно, стоя у порога своих домов, нещадно колотили в тазы или иную громко звенящую посуду, либо палили в воздух из ружей. После этого осужденный, преследуемый всеобщей ненавистью и презрением, был вынужден немедленно бежать из родного села, ища спасения и приюта на чужбине, где можно было предать забвению свое прошлое. Но на родине преступное деяние не забывалось. Для сохранения памяти о нем и в назидание всем живущим у чеченцев и ингушей существовал обычай соорудить памятники проклятия, так называемые карлаги. Карлаг представлял собой большую кучу камней, щепок и земли, насыпаемую в каком-нибудь людном месте в знак всеобщего осуждения позорного поступка. Каждый проходящий мимо бросал в карлаг свой камень, проклиная имя злодея¹².

Нечто похожее мы встречаем в обычаях горцев Грузии. У тушин практиковалось своеобразное «побиение имени» преступника камнями. Вскоре после вынесения приговора на специально выбранном месте появлялась внушительная куча камней. Она образовывалась из булыжников, которые с бранью швыряли бывшие сообщинники преступника, предавая проклятию его имя и тем самым как бы избивая камнями его самого¹³.

В Пшавии преступников, нарушивших вышеописанный обычай цацлоба, выставляли на всеобщее поругание на берегу реки или около моста, чтобы любой проходящий мог бросить в них камнем или комом грязи, а пример наказанных послужил бы предостережением другим против нарушения народного обычая¹⁴.

С момента изгнания преступник лишался всяких прав, даже права на общение со своими родственниками и сообщниками. Его старались не только отделить, но и выделить каким-нибудь внешним знаком, «печатью», которая бы диктовала встречным нормы общения с таким человеком.

Так, у сванов убийца близкого родственника должен был постоянно носить «через плечо повязку из круглых камней». Заметив издали человека с этим позорным клеймом, каждый старался по возможности уклониться от встречи с ним¹⁵.

Вообще ни о каком близком общении с изгоем не могло быть и речи. У осетин никто не садился с отцеубийцей за один стол, никто не пил с

¹⁰ «Памятники обычного права Дагестана», с. 48.

¹¹ Там же, с. 41.

¹² А. П. Берজে. Указ. раб., с. 87; И. М. Саидов. Чечено-ингушские карлаги.— «Сов. этнография», 1964, № 2; Н. И. Харузин. Указ. раб., с. 141.

¹³ А. С. Хаханов. Тушины.— «Этнографическое обозрение», 1889, № 2, с. 54.

¹⁴ М. М. Ковалевский. Пшавы, с. 223; А. С. Хаханов. О пшавках, с. 93.

¹⁵ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 2, с. 115; *его же*. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, с. 179.

ним из одной чаши. Его жилище и все имущество предавались огню и разорялись до тла, а его самого отрешали от общественной жизни родного села¹⁶.

У мохевцев с момента изгнания отверженных не мог появляться в людных местах, принимать участие в общих жертвоприношениях и храмовых праздниках. При случайной встрече никто из его родной общины не мог вступить с ним в разговор, протянуть ему руку помощи в случае нужды и горя. Даже после смерти душа изгоя, по местным поверьям, не могла найти себе успокоения, так как тело преступника не предавалось земле на сельском кладбище: некому было его хоронить, никто не стал бы оплакивать его смерть и справлять по нему поминки. Он оставался отверженным и на том свете¹⁷.

Точно так же не имел права присутствовать на народных собраниях и торжествах изгнанный тушин. Его избегали бывшие друзья и знакомые, от него отворачивались родичи. Имя преступника покрывалось вечным позором, смыть который было невозможно¹⁸.

У карачаевцев человек, изгнанный по приговору старейшин из общины, лишался всех личных и имущественных прав и в итоге мог стать объектом простой торговой сделки: его продавали в рабство¹⁹.

Такая же участь часто постигала отверженных у адыгов. Лишенного всех прав изгой можно было захватить в плен, чтобы затем продать турецким работникам, переправлявшим свой живой товар на невольничьи рынки Малой Азии и Ближнего Востока. Его можно было оскорбить, ограбить или убить, не навлекая на себя ничьей мести, так как судьба изгнанного преступника не представляла уже никакого интереса для его бывших сородичей. Осужденный на вечное одиночество, он обязан был сам обеспечивать свою безопасность.

Однако иногда акт исключения из фамилии сопровождался и более суровым наказанием — смертной казнью. Человека заковывали в кандалы, привязывали к дереву и расстреливали. Произвести казнь поручали подневольным или рабам. Существовал и другой способ лишения преступника жизни. Ему на шею привязывали камень и сталкивали в воду, связав предварительно руки²⁰.

У абхазов изгнанный преступник лишался покровительства своей фамилии, так как с этого дня его родичи и однофамильцы отказывались от обязанности мстить за оскорбление, нанесенное их бывшему родственнику. Изгой действительно становился *бывшим* родственником, ибо лишался права носить свое фамильное имя. Сам абхазский термин «изгнание» переводится как «исключение из рода» или «снятие фамилии»²¹.

Отвергнутый своими, изгой и у чужих не находил успокоения и приюта. Молва о позорном поступке всегда опережала преступника, и, где бы он ни появлялся, ему уже нельзя было избавиться от своей ужасной славы. Бесправный во всем, изгой не лишался лишь права на гостеприимство. Священный для народов Кавказа обычай распространялся и на него. Изгнанник мог стать гостем в любом встретившемся по дороге доме. Здесь ему неизменно предоставляли ночлег и пищу, но хозяева не считали нужным скрывать свое полное пренебрежение к изгоям, который лишь волею обстоятельств стал гостем в их доме. Его не сажали за

¹⁶ «Обозрение Российских владений за Кавказом...», с. 195.

¹⁷ А. С. Хаханов. Мохевцы. — «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», в. III, с. 93.

¹⁸ А. С. Хаханов. Тушины, с. 54.

¹⁹ Б. В. Миллер. Указ. раб., с. 13.

²⁰ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2. СПб., 1871, с. 230; Н. Карлгоф. О политическом устройстве черкесских племен. — «Русский вестник», 1860, № 8, с. 527; Л. Я. Люлье. О натухажцах, шапсугах и абадзехах. — «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества» (далее — ЗКОРГО), 1957, № 4, с. 236; *его же*. Обычай шапсугов и натухажцев. — ЗКОРГО, 1866, № 7, с. 5.

²¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 411, 443.

общий стол, где обедала семья, а отводили в самый дальний и темный угол дома; остатки его еды тут же выбрасывались на съедение псам с характерным возгласом: «От собаки — собаке»; все, к чему он прикасался, сразу тщательно обмывалось и чистилось, а жалкий клочок войлока или бурки, на котором спал изгнанник, хозяин с брезгливостью сжигал. Такой гость оставался и в приютившем его доме в полном одиночестве. С ним никто не заговаривал, никто не служил ему, и все домочадцы облегченно вздыхали, когда он покидал пределы их усадьбы.

Смерть зачастую казалась лучше такой жизни, но изгнанный преступник должен был до конца испытать чашу страданий, ибо немилосердный обычай и здесь отказывал провинившемуся в снисхождении. По воззрениям абхазов, если кто-нибудь решится лишить изгоя жизни, то примет на себя его грехи. Поэтому отверженные до конца своих дней были вынуждены скитаться по абхазским горам, не находя нигде ни постоянного приюта, ни дружбы соплеменников.

Нетрудно заметить, что большинство преступлений, за которые человек подвергался изгнанию, были особого свойства. Это были преступления, направленные против своей родственной группы — семьи, а следовательно, патронимии, к которой эта семья принадлежала. Кровная месть в случае убийства и взимание соответствующих штрафов в случае воровства были бы единственной реакцией обиженной патронимии на любое посягательство на ее целостность и безопасность со стороны чужака. Но это было совершенно исключено, если преступление происходило в пределах патронимии, и преступником оказывался ее член. Позволяя здесь разыгаться кровной мести, патронимия понесла бы непоправимый урон, потеряв сразу двух своих членов — убитого и убийцу, а затем и других сородичей, вовлекаемых в беспрерывно расширяющийся круг кровомщения. Это противоречило интересам родственной группы и ни при каких условиях не могло быть допущено. Патронимия сохраняет свою силу только тогда, когда в ее среде царят мир и спокойствие, не нарушаемые внутренними неурядицами и столкновениями. «Юн-янтю поэтому, — пишет М. М. Ковалевский, — если преступления, совершаемые родственниками по отношению друг друга, остаются без возмездия»²³. Далее он отмечает: «Это не означает, однако, чтобы род тем самым отказывался от мысли положить им предел»²⁴. Поэтому даже преступление, совершенное кровным родственником, должно быть отомщено и наказано. И в этом случае применялась кара грозная и суровая, имеющая для преступника самые тяжелые последствия, — изгнание из своей семьи.

Обычай народов мира предусматривали изгнание как меру борьбы с деликтом, совершенным в родственной среде²⁵. Это наказание было универсальным для обществ, живущих родовым строем и на этапе перехода от родового строя к эпохе зарождения государства. Смутные воспоминания об изгнании, лишении мира, поставлении вне закона встречаются во всех варварских «Правдах» средневековья, в значительной степени основанных на обычноправовых нормах. Обычай изгнания продолжал функционировать в обществе, поскольку были еще живы породившие его общественные институты, возникновение которых также относится к древнейшей эпохе человеческой истории. Записи кавказских адатов, предпринятые в основном в XIX в., показали, что в народном правосознании

²² Н. Ф. Дубровин. Указ. раб., с. 77, 78; Ф. А. Завадский. Указ. раб.; И. Чернышев. Еще об Абхазии.— Газ. «Кавказ», 1854, № 82.

²³ М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, с. 276.

²⁴ Там же.

²⁵ С. Д. Гальперин. Очерки первобытного права. СПб., 1893, с. 64, 91, 145; Р. Дарест. Исследования по истории права. СПб., 1894, с. 304; А. Пост. Зачатки государственных и правовых отношений. М., 1901, с. 167, 168; К. Черри. Развитие карательной власти в древних обществах. СПб., 1907, с. 22, 23, 42, 86, 87.

горцев изгнание из семьи и патронимии продолжало оставаться действенной формой наказания за преступления, совершенные против родственников.

Отсутствие в XIX в. обычая изгнания в быту населения некоторых районов Кавказа, например равнинной Грузии, говорит не об отсутствии здесь этого обычая в прошлом, а только о его раннем исчезновении в силу более интенсивного социально-экономического развития этих районов по сравнению с горскими обществами. Но и в горах обычай изгнания функционировал уже не в условиях родового строя. Жившие здесь народы находились на весьма различных уровнях социально-экономического развития. Мы рассматривали грузинских горцев — тушин, пшавов, мовцев, у которых едва началось социальное расслоение, чеченцев и ингушей с социально-экономическим строем, близким к горцам Грузии, абхазов, адыгов, осетин, карачаевцев, а также жителей Дагестана, имевших значительно более развитую социальную систему. Однако общим для всех этих народов было существование многочисленных пережитков эпохи родового строя, живо сохранивших свои позиции в повседневном быту.

Разумеется, в кавказских обществах первой половины XIX в. род в классическом смысле этого слова давно исчез, но его функции во многом перешли к патронимиям и фамилиям. В рассматриваемое время «остракизм» действовал прежде всего в пределах этих групп. Жизнеспособность подобных социальных организмов — носителей многих традиций, крепкие узы, связывавшие их членов круговой порукой и древним обычаем взаимопомощи, кровная месть, еще бушевавшая в кавказских теснинах в XIX в., наличие в горском быту всех этих многочисленных отголосков родового строя обусловили и существование свойственных этому строю обычноправовых норм.

Именно поэтому посягательство на жизнь отца, на его верховную власть в семье и право бесконтрольно распоряжаться делами и судьбами своих детей, наконец, его убийство расценивались как тяжелейшее преступление в обществе, где еще сильны были воспоминания о власти родовых старейшин и где вся общественная и семейная жизнь строилась на авторитете старших по возрасту сородичей. Убийство матери, брата или сестры считалось недопустимым, потому что наносило фамилии непоправимый ущерб: уменьшение числа членов означало ослабление фамилии, снижение ее экономической и военной мощи. Любовная связь с чужеродцем также жестоко преследовалась, ибо она, по словам М. М. Ковалевского, наносила вред интересам всей семьи²⁶.

Сурово карались, как уже отмечалось, любовные связи внутри родственной группы и, особенно, кровосмешение. Это в значительной степени связано с древним обычаем экзогамии, которая в прошлом была характерна для Кавказа (исключая Дагестан). В XIX в. экзогамия, правда уже в трансформированном виде, — в рамках патронимии, фамилии — строго соблюдалась. Это выражалось в категорическом запрещении браков между членами одной патронимии, а также между членами разных патронимий, носящих одно фамильное имя. Более того, нельзя было вступать в брак представителям даже тех патронимий, которые к тому времени уже потеряли фамильное имя и экономические связи друг с другом, но были еще объединены сознанием единства происхождения от одного предка. Поэтому факт преступного сожительства родственников всегда вызывал резкую реакцию, и виновные подвергались немедленному изгнанию из своей родственной среды.

Сношение с внешними врагами, т. е. действия, направленные на ослабление безопасности родственной группы, также рассматривались как преступления против кровных родственников и имели своим следствием

²⁶ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 2, с. 35.

изгнание изменника, если в таких случаях не применялась смертная казнь как высшая мера наказания. Наконец, изгонялись лица, которые своим поведением постоянно нарушали действующие нормы адата, не раз вовлекали свою фамилию в кровавые расчеты с другими фамилиями по делам мести и дальнейшее пребывание которых в рядах родственной группы грозило бы последней и в будущем многочисленными неприятностями, вытекавшими из ответственности всех ее членов за поступки своего порочного сородича. Такого человека предпочитали удалять, когда пропадала всякая надежда на его исправление.

Судьба изгоя была ужасна. Приведенный материал показывает, что вся его последующая жизнь была сплошной цепью нравственных и физических страданий. Лишенный покровительства родственников, он легко становился добычей смерти, которая вскоре настигала его. Однако смерть изгоя мало кого волновала. Один при жизни, он оставался одиноким и в час своей кончины.

Вспомним опять лермонтовскую поэму. Гарун, проклятый своей матерью, кончает жизнь самоубийством.

И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.